
ЩЕБЛАНОВА Вероника Вячеславовна, д.социол.н., доцент, профессор кафедры истории, политологии, социологии и сервиса Саратовской государственной юридической академии (vsheblanova@mail.ru); СУРКОВА Ирина Юрьевна, д.социол.н., доцент, профессор кафедры управления персоналом Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиал Российской академии народного озяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (irina_surkova@mail.ru). Обе – Саратов, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250002171-1

Nasibullin R.T., Doctorov B.Z. SOCIOLOGY IN THE BIOGRAPHICAL STUDY MEASUREMENT. Moscow: University Book, 2017 reviewed by I. Yu. Surkova, V.V. Shcheblanova.

SHCHEBLANOVA V.V.*, SURKOVA I.Yu.**

** Saratov State Law Academy, Russia; ** Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russia*

Veronika V. SHCHEBLANOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Associate Prof., Prof. of the Department of History, Political Science, Sociology and Service, Saratov State Legal Academy, Saratov, Russia (vsheblanova@mail.ru); Irina Yu. SURKOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Associate Prof., Prof. of the Personnel Management Department of the Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russia (irina_surkova@mail.ru).

© 2018 г.

СОЛИДАРИЗМ ВО ФРАНЦИИ В ПЕРИОД ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ: ЛЕОН БУРЖУА И СЕЛЕСТЕН БУГЛЕ / Ред.-сост. А.Б. Гофман. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2017. 196 с.

Рецензируемая книга охватывает материалы по истории и теории солидаризма. Она состоит из вводной статьи А.Б. Гофмана, долго работавшего над обсуждаемой темой, и двух переводных работ ключевых участников начавшейся во Франции конца XIX в. дискуссии о месте и роли межчеловеческой солидарности в развитии общества и государства: первая – программный манифест солидаризма Леона Буржуа «Солидарность», вторая – исследование данного идейного течения социологом С. Бугле, последователем Э. Дюркгейма. Эти работы появились в период поиска путей формирования лучшего общества, альтернативного существовавшему в то время во Франции, способов преодоления аномии и социальной атомизации.

В книге «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейм также обратился к модной в его время теме солидарности не только под влиянием способствовавших этому идейному движению общественных настроений. Через нее он взглянул на процесс разделения труда с точки зрения прогрессивного развития нравственности и ценностей «солидарного» общества, в котором устанавливается ответственность индивидов перед другими людьми и обществом в целом. Это был иной смысл понятия солидарности, относящийся к Франции конца XIX в., откуда это слово распространилось в мире и пришло к нам.

В вводной статье А.Б. Гофман поясняет, что идея солидарности берет истоки от римского права, в котором под солидарным состоянием понималась групповая ответственность (поручительства) по принятым обязательствам. Речь шла чаще всего

о солидарном обязательстве выполнения условий договора между должниками и кредиторами. Оно возникало в случаях нескольких кредиторов, или нескольких должников, связанных взаимным договором: если кредитор не получил в установленный срок уплату долга с одного из должников, он имел возможность взыскивать его с солидарных с ним других должников или с поручителей, если должники оказывались не в состоянии его выплачивать (с. 4). В дальнейшем «солидарность» наряду с такими понятиями, как «социализм» и «коммунизм», стала входить в обиход через Сен-Симона и его учеников, особенно – благодаря вышедшему из сенсимонистской среды французскому социальному мыслителю П. Леру (Pierre Leroux). В тексте С. Бугле показано, что Леру соединил вышеупомянутое юридическое значение солидарности с христианской традицией. Как он утверждает, еще раньше П. Леру «Луи Блан высказывался в пользу режима, который, подразумевая солидарность членов большой общественной семьи, стремился бы организовать общество, творение человека, по модели человеческого тела, творения Божьего» (с. 73). Но ведущая роль в создании программы солидаристов принадлежала Л. Буржуа – крупному политическому деятелю, теоретику французского левого радикализма, главе правительства 1895–1896 гг. В его истолковании солидаризм, показывает А.Б. Гофман, с одной стороны, был заявлен как третий путь, альтернативный либерализму и социализму, а с другой – стал попыткой использования позитивных сторон этих двух противоборствующих социальных теорий (с. 12).

Автор манифеста солидаристов окончил юридический факультет Парижского Университета (Пантеон-Сорбонна), до начала политической деятельности был адвокатом и начал политическую карьеру с 1882 г., когда стал префектом департамента Тарн. Это был влиятельный и талантливый левый политик, неоднократно избиравшийся депутат Национального собрания Франции. Благодаря ораторским качествам он стал лидером радикальных республиканцев и вопреки «буржуазной» фамилии действовал против интересов буржуазных слоев на благо французского общества в целом и особенно его низших классов. Будучи в 1895 г. премьер-министром, он сформировал правящий кабинет из социалистов-реформистов и радикалов. В это время он попытался осуществить политику солидарности как следующую из радикальной политической программы, включающей установление пенсий и пособий рабочим, которую предполагалось финансировать путем введения прогрессивного подоходного налога, а также налога на наследование крупных состояний. Этим он вызвал сильное недовольство в депутатском корпусе и по этой причине спустя шесть месяцев его кабинет министров был отправлен в отставку. Однако Л. Буржуа на посту министра внутренних дел успел внести ряд изменений в пенсионное законодательство и установить ряд льгот для рабочих. Сам он, однако, никогда не входил ни в одну политическую партию и не разделял социалистических доктрин.

От идеи солидарности как взаимной зависимости Л. Буржуа логически переходит к идее более полной и гармоничной общественной солидарности, включающей представление об ответственности за действия других, которая должна установиться в *солидарном обществе будущего*. Этот нравственный идеал не следует смешивать, как он сам предупреждает, ни с просветительскими теориями, ни с коллективистскими идеалами социалистов и коммунистов. В Манифесте «Солидарность» Л. Буржуа содержатся перенятые у философа А. Фулье идеи общественного долга и квазидоговора, под которым понимается договор, принимаемый индивидом через его готовность жить в обществе и связывающий его с ним. Смысл этой теории состоял в том, чтобы ввести положение «о долге человека перед другими людьми» как принятии обязательств индивидами взамен на выгоды и преимущества, «которые каждый привлекает из общества» (с. 52). Л. Буржуа утверждает, что «человек, живя в обществе и будучи неспособен жить без него, является его постоянным должником. В этом заключается основа его обязательств, заряд его свободы» (с. 52). Люди должны признать свой долг перед обществом как «взаимно обязанные члены ассоциации» (с. 53) и заключить с последним квазидоговор, приняв выполнение общественных обязанностей и взяв на себя соответствующие им обязательства (с. 67). Л. Буржуа ведет речь при этом о «естественных законах солидарности», определяющих квазидоговор

и реализующих «идеи справедливости» путем «признания и выплаты общественного долга» (с. 66). Правовые механизмы осуществления этой процедуры он не выявляет и не намечает конкретных путей построения солидарного общества, предлагая для начала из «знания естественных законов солидарности существ» выстроить «общую теорию прав и обязанностей человека в обществе» (с. 68).

С. Бугле (второй перевод) выступает не как политик и не как пропагандист новой социальной доктрины, но как социолог, исследующий ее со стороны. Он называет солидаризм «модной доктриной» (с. 76) и выясняет, к каким практическим выводам он приводит. Его целью объявляется реформирование общества и социальное воспитание его граждан, чтобы они стали солидарными. В первой части исследования Бугле показывает, что призывы к взаимопомощи и нравственные идеалы сами по себе не в состоянии обеспечить формирование солидарных отношений. Поэтому солидарность как нравственный идеал должна подкрепляться правовыми механизмами, чтобы перейти от нравственного призыва к законодательно закрепленной реальности. Он отмечает, что Л. Буржуа трактует солидарность одновременно и как идеал, и как нравственный долг, и как факт сотрудничества людей. Во второй части работы Бугле рассматривается суть теории Л. Буржуа о квазидоговоре, который бы регулировал взаимные социальные обязанности граждан в солидарном обществе. Он обращает внимание на то, что данное понятие не придумано солидаристами, а взято из юриспруденции. Во французском Гражданском кодексе были обозначены общие требования и обязанности, приписанные гражданам государства в соответствии с действующим законодательством без соглашения с ними (с. 128), поскольку гражданин обязан им следовать независимо от своего согласия с ними на основании обусловленного его рождением факта его принадлежности к тому или иному государству. С. Бугле истолковывает понимание солидаристами прихода граждан к общественному квазидоговору как принесение ими части собственной свободы и независимости в жертву ради обеспечения личной безопасности и социального порядка, в чем видна параллель с просветительской идеей общественного договора. Согласно идеям французских просветителей, прежде всего Ж.-Ж. Руссо, граждане договариваются о нормах межчеловеческих отношений, ограничивая ради этого индивидуальные свободы, включая «право на всё», чтобы устранить опасность «войны всех против всех». Новым в солидаристской версии общественного договора в сравнении с его просветительскими теориями стало то, что солидаризм не ограничивается обращением к коллективной воле граждан, но «нацелен на расширение контроля государства, не персонифицируя при этом государство ни в какой степени, не приписывая ему собственную волю, высшие добродетели, особые права» (с. 129). Сознательное соблюдение квазидоговора обеспечивается также, как и выполнение взаимных договоров между отдельными гражданами и их группами. Это соблюдение правил, согласно социальному проекту Л. Буржуа, обеспечит общественно-государственный контроль. С. Бугле в этом пункте обратил внимание на частичное стирание солидаризмом границ между частным и публичным правом, а также отметил, что требование быть солидарными выдвигалось ими как гражданская обязанность.

В главе «Корректировка понятия индивидуализм» С. Бугле всячески защищает, популяризирует и продвигает выдвинутую Э. Дюркгеймом идею существования в обществах на разных ступенях цивилизационного развития двух форм солидарности: первая характерна для архаичных и традиционных обществ и обозначена как механическая, «катком проходит по индивидуальностям» и формирует «тираническое коллективное сознание, ревностно исправляющее любое разномыслие» (с. 165), вторая – органическая – возникает, когда возрастает дифференциация между частями социального целого. При органической солидарности социальная дисциплина поддерживается благодаря взаимному уважению граждан и признанию наличия общих для всех норм и ценностей, свободное развитие личности становится целью общества (с. 166). С. Бугле также показывает, что солидаризм противостоит антиэгалитарному индивидуализму, который выступал в обликах ницшеанства, расовых теорий, радикального экономического либерализма (принцип *laissez-faire*).

В главе V «Социалистический уклон» сделан неожиданный вывод, что «солидаризм по многим вопросам, хотел бы он того или нет, вынужден прокладывать дорогу социализму» (с. 178). Социалисты, в самом деле, раньше солидаристов тоже претендовали на роль конструкторов справедливого общества социального равенства (как они его понимали) и именно поэтому они охотно переняли у солидаризма идею солидарности трудящихся, ставшую у них классовой, но не общечеловеческой. Реальная практика нередко вступала в противоречие с высокими ценностями общечеловеческой солидарности, переходила в партикулярную солидарность. Бастовавшие рабочие отнюдь не испытывали чувство солидарности ни с хозяевами предприятий, ни с фабричной администрацией, а за ширмой их групповой солидарности нередко скрывается эгоизм. Но на эту критику, как отметил Бугле, социалисты вполне резонно возражали, что справедливого квазидоговора не получается между людьми, находящимися в неравном социальном положении, т.е. «не может быть равенства в договоренностях между привилегированными и обездоленными». Изначально неравны условия заключения «добровольного» соглашения «между капиталистом, который может подождать и заставить подождать, и тем, кому остается лишь немедленно сдать внаем свои рабочие руки, рискуя в противном случае умереть от голода, холода, нищеты» (с. 172). И социалисты, и солидаристы признают наличие естественно-го неравенства между людьми, но социалисты наряду с этим «стремятся устранить социальное неравенство и обеспечить условия для вознаграждения людей по результатам их труда, чтобы активизировать их способности» (с. 174).

В заключение отмечу, что во многих случаях призывы к солидарности служили орудием самых разных политических сил и движений в борьбе за власть и политическое влияние. Это показал XX век, когда «солидарность» появлялась на знаменах и националистических (ультраправая «Solidarité française» во Франции начала 1930-х гг.) и ультралевых партий, зачастую оппозиционных (таких как польское профобъединение «Солидарность» в 1980-е гг.) партий и движений. Книга ценна тем, что она не только знакомит с идейным опытом французского солидаризма, но и помогает понять связанную с идеями социальной солидарности ценностную и нравственную оставляющую социологии Э. Дюркгейма. Вместе с тем при ее прочтении остается без ответа вопрос: насколько утопичной оказывалась программа солидаризма в конце XIX в. Солидаристы утверждали, что в основе общественного порядка лежит социальный консенсус, опирающийся на общечеловеческие ценности, тогда как социалисты, заимствуя лозунги солидарности, оставались при своем мнении: в классовом обществе существуют противоречия интересов, и социальный порядок формируется не квазидоговорами, а навязывается большинству общества со стороны господствующих политических и социальных групп.

А.А. ЗОТОВ

ЗОТОВ Андрей Анатольевич, научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (andrzotow@yandex.ru).

DOI: 10.31857/S013216250002172-2

SOLIDARISM IN FRANCE IN THE PERIOD OF THE THIRD REPUBLIC: LEON BOURGEOIS AND CELESTIN BOUGLE / Ed.-comp. A.B. Gofman. Moscow, 2017 reviewed by A.A. Zotov.

ZOTOV A.A.

Institute of Sociology FCTAS of the Russia Academy of Sciences, Moscow, Russia

Andrey A. ZOTOV, Research Fellow, Institute of Sociology FCTAS of the Russia Academy of Sciences, Editor of journal "Sotsiologicheskie issledovaniya" (Sociological studies), Moscow, Russia (andrzotow@yandex.ru).
